
УДК 81'1

ББК 81.0

A 95

Ахиджакова М.П.

Доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

**Когнитивная структура адыгства
в ментальном языковом пространстве А. Евтыха:
лингвокультурологический аспект
(Рецензирована)**

Аннотация:

Характеризуется создание и воссоздание ментальной реальности адыгской жизни, психологии и цивилизации. После рассмотрения этновоспроизводящих механизмов адыгства дается характеристика сложнейших трансформаций образа жизни и мышления, нравственных основ бытия современного адыга. Приводятся различные ситуации вечных нравственно-этических ценностей – человечности, человеколюбия, настоящего мужества, – дается анализ языкового материала, который свидетельствует о том, что сознание писателя сфокусировано на отражении нравственно-традиционных ценностей.

Ключевые слова:

Когнитивная структура, повторы, этический социум, языковое сознание, ментальное языковое пространство,

Akhidzhakova M.P.

Doctor of Philology, Professor of General Linguistics Department, Adyghe State University, e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

**Cognitive structure of a system of historically developed spiritual
and moral spheres of thinking and behavior of the Adyghes
in A.Evtykh's mental language space: linguoculturological aspect**

Abstract:

The paper discusses the creation and reconstruction of mental reality of the Adyghes' life, psychology and civilization. Following the ethnoreproducing mechanisms, the author shows the most complicated transformations in the way of life, thinking and moral bases of life of the modern Adyghe. Various situations of eternal moral and ethical values – humanity, philanthropy and the real courage – are described. The language material testifying that the consciousness of the writer is focused on the reflection of moral traditional values is given.

Keywords:

Cognitive structure, repetitions, ethical society, language consciousness, mental language space.

Адыгство – система исторически сложившихся духовно-нравственных сфер мышления и поведения. Эта система сопоставима с мировоззрением, образом или стилем жизни этического социума. Выделяется и перечень важнейших функций адыгства: коммуникативная, идентификационная, аксиологическая, мировоззренческая, когнитивная [1: 50 - 51]. Когнитивная структура адыгства в ментальном пространстве А. Евтыха отражается многогранно. Причем это тонкая материя, трудно поддающаяся описанию, определению, анализу, так как значимость адыгства выходит за пределы обычных этических систем. Во взаимодействии с другими этноспроизводящими механизмами адыгство постоянно создает и воссоздает ментальную реальность адыгской жизни, адыгскую психологию и цивилизацию, осуществляет контроль за тем, как соотносится его реальное бытие с правильным, идеальным бытием.

А. Евтых отражает в ментальном пространстве языковой картины мира проявление в различных ситуациях вечных нравственно-этических ценностей – человечности, человеколюбия, настоящего мужества – и вновь возвращается к адыгагэ (адыгству).

В центре всех противоречивых событий и потрясений стоит человек – современный адыг. А. Евтых стремится раскрыть сложнейшую трансформацию его образа жизни и мышления, нравственных основ его бытия. Например:

«...чтобы успокоить встревоженную душу, и скажешь себе: не родня, не твоя кровь, так все равно адыги, чего мне от них плохого ждать, свои... Свои-то свои, так опять же до какой-то черты... Что-то в них переменилось, не те уже, ох не те! По всем передаваемым из века в век воспоминаниям, адыгское общество подпирало одни и те же неизменные правила, и хотя по своей несчастливой доле не имели письма, чтобы все это записать, однако же сложено было так крепко – не в

словах, а в самих душах, – что, казалось, и по сей день не утратили своего значения. А теперь вот и подумаешь, что и тут какая-то трещина, да-да, какие-то люди уже не так с тобой здороваются, а раньше доходили и до такого, чуть ли не про твою дворовую собаку выспрашивали, как она себя чувствует, не больна ли...»

(Улица во всю ее длину. С. 315-316).

«Неизменные правила» – адыгагэ (адыгство), совокупность принципов и норм адыгской этики; человечность, чуткость, благовоспитанность, скромность, гостеприимство и т. п.» [2: 6].

В толковом словаре адыгейского языка внимание заостряется на ассоциациях данного понятия с общеадыгским морально-правовым кодексом поведения человека. Адыгство придает нормам адыгэ хабзэ характер целенаправленных программ социального действия человека.

Целью настоящего исследования является изучение содержания, вкладываемого в понятие человека языковым сознанием адыгского писателя А. Евтыха, которое интересует нас с точки зрения проявления этнических особенностей в деятельности, поведении, восприятии, оценке, психике, мироощущении личности. Прежде всего, это такой компонент национального характера, как ценностные ориентации. «Этнические общности в значительной мере обусловлены характерными особенностями их культуры, и общность культуры народа проявляется в общности ее психического склада» [3: 198]. Например:

« – Садись, Измаил... И ты проходи, и тебе есть место, Усток... Тут много говорят, я не мастер, у меня на все одна мера – ладонь да щека...

– Что это значит? – спрашивает Измаил. – Растолкуй, что ли...

– Есть истина и в твоих словах, – наставительно произносит Ибрагим своим старейшинным вниманием, – но повторяю: я это шире толкую. Я жил и живу для одного: чтобы как-нибудь в

чем-нибудь, пусть и в самом малом, – что делать, если бог не наделил другим умом! – прославить вот это наше маленькое селение... И когда я говорю – ладонь и щека, то хочу приложить свою ладонь не к одному человеку, а ко всей большой и дорогой аульской щеке... – И произнося эти гордые слова, поднявшись выше житейской суеты, споров, крика, голосования, прений, резолюций, Ибрагим Шалах обозревает все клубное пространство, собирая со всех лиц, как пчела цветочную пыльцу, и восхищение, и уважение, и почтение... Да тут, у адыгов, и не трудно вызвать уважение к старому человеку, привито им вроде осы с малого детства» (Улица во всю ее длину. С. 546 - 547).

В приведенном языковом материале сознание писателя сфокусировано на отражении нравственно-традиционных ценностей – таких, как глубокое уважение к старшим, подлинные чувства к родному аулу и беспредельная человечность. «Сами адыги (черкесы) склонны толковать адыгство в достаточно широком спектре. В широком смысле под адыгством, по результатам нашего социологического исследования, понимают человечность, гуманизм – 47% опрошенных респондентов...» [4: 179].

«– Странно мы живем со своими мужчинами. Тут, знаешь, у каждого своя мера! Как бы это объяснить, каждый человек смотрится в свое, а не в чужое зеркало. В чужом себя не увидишь. И для своего мужа я, это самое, королева! Обязательно, что ли, на троне? Трон, он, знаешь, где стоять должен? В душе! Онто есть, этот трон-то, да всегда одноместный: для него, для главы!»

(Глоток родниковой воды. С. 198).

«Шарифа понесла мужу завтрак, торопясь, волнуясь даже, посвятившая жизнь одному тому, чтоб делать все так, как он скажет, не отступая ни на шаг от его наставлений, советов, накормить его, чтоб он порозовел от удовольствия, одеть-обшить, чтобы все завидо-

вали, промолчать, если вдруг сорвется с его языка несправедливое слово, и все это изо дня в день, из часа в час, всю жизнь, и не то что не роптать, а верить, что тебе повезло, удостоилось стать женой такого человека»

(Глоток родниковой воды. С. 231).

В вербализации ментального пространства А. Евтых использует и устойчивые сочетания различного уровня, например, повторы. Прием удвоения слов в языке называется в лингвистической литературе по-разному: удвоение [5: 172]; повторы (Баранников 1928; Иванчикова 1969).

Повторы представляют собой очень распространенное явление. В этот особый разряд входит (по материалу А. Евтыха) огромное количество слов, причем из различных частей речи: *старье-марье; мертвые-мертвые; на сорт-сорт; все сзывал, все сзывал; хряков-мряков; родятся и рождаются; подобрю-поздорову; глазенками-бусинками* и другие.

Повторы – выразительное лексико-синтаксическое средство вербализации мысли автора-рассказчика. Выполняя ритмико-мелодическое задание, они усиливают эмоциональную выразительность, эмоциональное воздействие на читателя:

«Вот я и говорю: делят людей на сорт-сорт. Однако ходи в хату. Нагни голову, а то ударишься. Иди, не бойся. Старик прошел в другую комнату» (Улица во всю ее длину. С. 257).

« – Едешь-едешь, идешь-идешь, и вдруг отпиликалась вся твоя жизнюшка, вот как у этой чахлой гармошки, когда из нее остаточный воздух выходит» (Глоток родниковой воды. С. 4).

«...вернулся к себе на родину и зажил тихо-смирно...»

(Глоток родниковой воды. С.6).

Часто повторы усиливают побуждение:

«– Ты что там шу-шу да шу-шу, – вдруг проснулся спавший и даже слово изрек со смыслом, – раз одна компания, давай громко! Скучный вы народец, осто-

рожно пьете, а этот-то, – и посмотрел на Айсу, – тверезый сидит! А для чего, разрешу тебе сказать? Так не делают!» (Глоток родниковой воды. С. 5).

Если попытаться найти место таких языковых единиц, как повторы, в знаковой системе языка, то они, вероятно, выражают отношение действия и его субъекта к действительности.

Данные предложения констатируют реальное положение дел, сообщают о фактах реальной действительности. Значит, повторы должны быть определены как языковые единицы следующего уровня, отражающие ментальное пространство со значением реальности языкового сознания писателя А. Евтыха.

К синтаксическим средствам относятся повторы и удвоения слов:

«С каждым годом все чужее и чужее делаешься: ты по ту сторону, а они по эту, а между вами канава, и хоть как хочешь разбежись, а не перепрыгнуть. Не увеличивай число врагов своих, они и так будут, и так, в этом никто еще не испытывал нужды» (Улица во всю ее длину. С. 239).

Повторы привлекаются в утвердительных предложениях:

«День заканчивался. Вечерний свет лег на ее милое, очень милое, очень-таки привлекательное личико... Спокойно и доверчиво смотрели большие черные глаза» (Улица во всю ее длину. С. 240).

Применительно к единицам фразеологического состава языка как к языковым знакам характерной чертой является образно-ситуативная мотивированность. Ментальная реальность в художественном тексте А. Евтыха напрямую связана с мировидением народа – носителя языка, сосредоточением нравственно-культурных ценностей является это образное, литературное основание языкового сознания автора. Поэтому можно утверждать, что фразеологизмы как языковой знак более высокого уровня – мощное средство выражения языковой картины мира, так как

фразеологизмы, отражая образ-ситуацию, выступают как микротекст в тексте. Приведем примеры:

«-Людам это свойственно – правда, Сима?»

– Что свойственно? Я что-то не поняла...

– Искать лучшее!

– А, конечно, конечно!..

– Красивое – оно всем по душе... на воронье гнездо помотришь, так противно делается, а ласточкино гнездышко – оно всем по душе. Вот я говорю: свей и ты свое гнездышко, не воронье, а ласточкино» (Улица во всю ее длину. С. 231).

«– Хм... Это еще не весь характер... Он злой на тебя, на меня и, скажем, на погоду, что ли... злой-то злой, а жену приласкает, а за свое дите и в огонь-воду ползет... Злой, но кинется в горящий дом, вынесет опаленного, чужого совсем... Человек, брат мой, – загадка, это... помолчал, вздохнул глубоко, – такая емкость... в тесной голове, под черепком, напихано и добра, и зла, глупости и ума...» (Сожженная картина. С. 45).

«–...мне тебя жалеть не приходится, просила я по-хорошему, а коли не понимаешь и не ценишь, то при людях, как перед богом, скажу: верни сейчас же на место! То, что тебе никак не принадлежит, то, что ты взяла, и я отпущу тебя, а уж грех свой сама замаливай...» (Баржа. С. 394).

При анализе особенностей культурной коннотации (интерпретации), а точнее, интерпретации культурно-национальных ценностей (адыгэ хабзэ) в художественных текстах А. Евтыха будем исходить из постулата В.Н. Телия о том, что «система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [6: 215].

Это положение, лежащее в основе

лингвистического исследования, конкретизируется в разных направлениях. Применительно к анализируемому фактическому материалу (художественные тексты А. Евтыха), фразеологизмы, как обосновано В.Н. Телия, обладают культурно-национальной спецификой, и они, по нашему мнению, имеют средство воплощения в знаковую систему языка и свои специфичности. Таким средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов служит «образное основание», или метафоричность, как уже выше отмечено, а способом указания на эту специфику является «интерпретация образного основания» в ментальном пространстве языковой личности данного автора через призму национального сознания.

«Жуль ушла в свою комнату, закрылась, присела к столику, раскрыла папку, положила перед собой лист, дважды, трижды перечитала; через много времени, вспоминая эти часы, не раз повторяет про себя то, что запало в душу, может, самое главное, что было в жизни дедушки и, кто знает, станет таким в ее жизни; это были простые слова, да и этих-то тоже было немного, но когда она шептала их, то вся как бы горела изнутри, светлая сила вливалась в душу: а совесть-то с молоточком, дорогие мои дети, и постукивает, и наслушивает...»
(Баржа. С. 401).

Как видно из приведенного фрагмента языковой картины мира А. Евтыха, использование фразеологизма «запало в душу» подчеркивает глубокое почитание и уважение к старшим как проявление человечности. Данный аспект – один из важнейших нравственно-культурных ценностей в составе ментального феномена адыгства, оригинально вербализуемый в исследуемом материале. Причем вербализация тонко передает и особый аспект: старшие также несут большую ответственность как субъекты, призванные вызывать уважение.

«Обобщение жизненного опыта» человеческого сознания «закрепляется

в языке в виде пословиц и поговорок, то есть паремических (пословичных) устойчивых сочетаний» [7: 3].

«У нас, у адыгов, нет таких книг, где было бы все это написано, но я скажу, то скажу, что и мне говорили, когда я была маленькой: мы, адыги, может, и не богаты золотом, деньгами, лесами, степями, реками, но душой мы возвеличиваемся, и знаешь, что для нас дорожке себры, золота, красивой дорогой одежды, это – человечность... во всем, во всем!»

(Я – кенгуру. С. 133).

В приведенном контексте можно проследить талантливое использование писателем А. Евтыхом паремической единицы «нет на свете дорожке человечности». Методом расщепления автор ярче отражает понятие человечности, которое лежит в основе нравственно-культурных ценностей адыгского этикета. Прав Д.С. Лихачев, который писал: «Если бы жизнь народа строилась по его собственным традициям, изнутри национального духа, то тогда наша окружающая действительность была бы человечней, достойней нас и всех остальных».

Примечательно, что мировоззренческие концепции сознания А. Евтыха направлены на истинное, подлинное и, наконец, правдивое отражение разных жизненных сфер адыгского общества. «Сейчас, когда национальные проблемы запутаны до предела, вспомнить, как на самом деле выглядели национальные отношения, можно по честным произведениям А. Евтыха» [8: 2 - 3]. Понятие правды, связанное с миром человека, входит в этический контекст, в котором она составляет высшую ценность. «Цена не правда факта, а ценен факт правды, благодаря ему больная и болезненная правда жизни становится источником духовного здоровья» [9: 308]. См.:

«...политика, она не для меня, слишком бывает закручена... Мое дело пахать, сеять, водить, носить... Жил и живу по той вере, что все это нужно людям, а не

только мне, и свято в жизни только вот такое... И кто занят не таким, тот для меня цены не имеет»

(Двери открыты настежь. С. 445).

Автор использует фразеологизм «в конце концов» в самом начале приведенного материала для отражения особого непримиримого отношения ко лжи. Об этом свидетельствует количественный состав восклицательных, интонационно-экспрессивных предложений.

Таким образом, правда – это характеристика открытого высказывания о мире, отличающаяся субъективностью восприятия объективного мира, то есть правда, с точки зрения человека, а ложь – это обман, тайный акт, совершенного скрыто. Это «поведенческий акт действия, посредством которого адресат вводится в заблуждение относительно состояния дел» [10: 109].

Гостеприимство – один из важнейших пунктов адыгэ хабзэ (адыгство). Как известно, гостеприимство – обычай адыгов, берущий свое начало в глубокой древности. Этот обычай был и останется в той или иной мере общечеловеческим. Например:

«И что еще хорошо, за что уважать можно, очень они стариков чтят: сказал старче слово и все, отрезал, как в военном трибунале, иди, выполняй, не смей рассуждать! Ну, а насчет, там, в гости позвать, так то ихняя, так сказать, монополия, тут никто не переплюнет» (Глоток родниковой воды. С. 151).

Экспликативная модель адыгского гостеприимства своеобразна и чрезвычайно важна. В основе соблюдения адыгского этикета лежат такие нормы, как защита чести гостя и охрана его покоя; наибольшим почетом пользуется гость из дальних краев; недопустимо оставлять гостя одного в комнате, правом гостеприимства пользуются и стар и млад, богатый и бедный, враг и друг, и, предлагая угощение, «...хозяин настраивает гостей на еду приятными своими рассказами, те слушают, работают челюстями, но вот, наконец, обед или

ужин, как хочешь, пиршество это...»

(Глоток родниковой воды. С. 134).

Ментальное пространство языковой личности А. Евтыха с особой теплотой и уважением отражает отношение к женщине, которое строится на культурно-ценностной основе адыгства. Отношение к женщине у адыгов со стороны кажется жестоким, суровым. Так могут считать только те, кто видит лишь внешнюю сторону. В действительности отношение к женщине у адыгов рыцарское. В адыгском языке есть два слова, переводимые одним русским словом «жена». Первое – означает «жена», второе – «княжна, госпожа» (гуащэ). Первое слово – «просто жена» – не применяется к солидной женщине, живущей в семье с детьми. Оно по отношению к ней звучит вульгарно. Про такую мать семейства говорят «гуащэ», то есть «госпожа», «княжна». Вся основа адыгского общежития требует, чтобы женщина была женщиной, а мужчина мужчиной: «...знай всегда эту разницу, женщина женщина, а мужчина мужчина...» (Глоток родниковой воды. С. 175). Весь уклад жизни, вся этика адыгов были построены так, чтобы «мужчина» и «женщина» оставались такими в повседневной жизни, а не иногда, от случая к случаю...

Исследуемый языковой материал произведений А. Евтыха особо акцентирует внимание читателя на отношении к женщине-матери: «*Живут на свете матери по разным местам и говорят на разных языках, но все они, по негласному материнскому уговору, в той единственной вере, что на свете чужих детей не водится, все они материнские, и если кто-то из них попал в беду, кидаются все...*»

(Баржа. С. 222-223).

Искусно использует А. Евтых и такое синтаксическое средство, как повторы, для отражения особых чувств к Матери: «*И вдруг он вскрикнул, и тут же, опомнившись, посмотрел вокруг, и, никого не увидев, поднес руку к щеке, потрогал ее, и вспомнил, все вспомнил, ту руку, что*

снимала с него болезни, все тревоги, все его страхи, все его мальчишеские горести и обиды, и он, благодарный нежной и ласковой ладони, терся об нее щекой и шептал шептал: нана, нана, милая...»

(Двери открыты настежь. С. 334).

Отношение к женщине, к Матери, к жене, А. Евтых отражает с особой теплотой и уважением.

Примечания:

1. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Майкоп, 1997. 167 с.
2. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999. 76 с.
3. Бромлей Ю.В. Этнографические аспекты изучения человека // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 190-201.
4. Ханаху Р.А. Морально-этнический феномен адыгагъэ - основы народной культуры // Мир культуры адыгов / сост. и науч. ред. Р.А. Ханаху. Майкоп, 2002. 516 с.
5. Тхаркахо Ю.А. Повторы и их особенности в адыгейском языке // Сборник статей по адыгейскому языку. Майкоп, 1976. С. 171-202.
6. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 275 с.
7. Блягоз З.У., Мамышева З.З. Народная мудрость адыгов. Майкоп: Изд-во АГУ, 2003. 186 с.
8. Хагуров А.А. Аскер Евтых - писатель и пророк // Советская Адыгея, 1995.
9. Арутюнова Н.Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 302-316.
10. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М., 1997. С. 306-315.

References:

1. Khanakhu R.A. Traditional culture of the North Caucasus: the challenge of time (social and philosophical analysis). Maikop, 1997. 167 pp.
2. Bgazhnokov B. Kh. The Adyghe ethics. Nalchik, 1999. 76 pp.
3. Bromley Yu.V. Ethnographic aspects of human study // A human being in the system of sciences. M.: Nauka, 1989. P. 190-201.
4. Khanakhu R.A. A moral and ethnic phenomenon of the адыгагъэ as the foundations of the national culture // The culture world of the Adyghe / comp. and ed. by R.A. Khanakhu. Maikop, 2002. 516 pp.
5. Tkharakakho Yu.A. Repetitions and their features in the Adyghe language // Collection of articles on the Adyghe language. Maikop, 1976. P. 171-202.
6. Teliya V.N. Russian Phraseology: semantic, pragmatic and lingvoculturological aspects. M., 1996. 275 pp.
7. Blyagoz Z.U., Mamysheva Z.Z. Popular wisdom of the Adyghe. Maikop: AGU Publishing house, 2003. 186 pp.
8. Khagurov A.A. Asker Evtykh as a writer and a prophet // Sovetskaya Adygheya, 1995.
9. Arutyunova N.D. Truth and fate // The concept of fate in the context of different cultures. M., 1994. P. 302-316.
10. Tolstoy N.I. Ethnolinguistics in the circle of humanitarian disciplines // Russian literature. From the theory of literature to text structure: anthology. M., 1997. P. 306-315.